

Научная статья

УДК 947.084.24 (517.5)

DOI: 10.21209/1996-7853-2024-19-1-43-52

Научное наследие монголоведа А. М. Позднеева о буддизме у бурят XVIII – начала XX в.: от распространения до интеграции в социокультурное пространство России**Оксана Николаевна Полянская***Институт истории Сибирского отделения Российской академии наук, г. Новосибирск, Россия
polgrab@mail.ru, <https://orcid.org/0000-0003-1483-2441>*

История распространения буддизма среди монгольских народов, его влияния на мировоззрение, их повседневную жизнь, уровень образования – одна из важнейших тем в исследованиях российских востоковедов. Отмечая всеобъемлющее влияние религии, учёные старались как погрузиться в философию и догматику буддизма, так и определить его социокультурную роль в жизни монгольских народов. Изучить место религии в жизни бурят, рассмотреть роль духовенства и в распространении буддизма, и в создании буддийской церкви, понять процессы взаимодействия буддийского духовенства и официальной власти России, – такие вопросы ставили перед собой и давали ответы на них отечественные монголоеды в своих трудах, написанных на основе материалов, официальных документов, наблюдений, собранных ими во время экспедиционной деятельности. В данной статье мы обратимся к работам монголоведа Алексея Матвеевича Позднеева, внесшего значительный вклад в изучение и объяснение многих аспектов по истории буддизма. Целью исследования является анализ некоторых научных трудов учёного, опубликованных и рукописных материалов, посвящённых решению вопросов, связанных с распространением буддизма у бурят Восточной Сибири, учреждением института Пандито Хамбо-лам в России, значением утверждения религии в регионе для сохранения целостности территории государства. Через призму трудов учёного-востоковеда очевидным становится факт сложных противоречивых отношений, окутанных нитями недоверия между буддийским духовенством и официальной властью российского государства на начальном этапе этого взаимодействия. Однако эти отношения развивались, во многом под влиянием внешних факторов была сделана ставка на важность общих интересов и взаимовыгодного сотрудничества, что привело к интеграции буддизма в социокультурный мир России, сделав неотъемлемой частью российской истории, в которой ключевое значение имеет межкультурный диалог.

Ключевые слова: монголоведение в России, буддизм, буряты, Сибирь, А. В. Игумнов, А. М. Позднеев, Д.-Д. Заяев

Благодарность: исследование подготовлено в рамках государственного задания (проект FWZM-2024-0007 «Сибирский социум как фактор территориального роста и единства России (конец XVI – начало XX в.)»).

Original article

**Scientific Heritage of Specialist in Mongolian Studies
A. M. Pozdneyev on Buddhism Among Buryats
in the XVIIIth – Early XXth centuries: From Spread
to Integration into the Sociocultural Space of Russia****Oksana N. Polyanskaya***Institute of History, Siberian Branch, Russian Academy of Sciences, Novosibirsk, Russia
polgrab@mail.ru, <https://orcid.org/0000-0003-1483-2441>*

The history of Buddhism spread among the Mongolic peoples, its influence on their worldview, daily life, and education level is one of the most important topics in the research of Russian Orientalists. Noting the comprehensive influence of religion, scientists tried to immerse themselves in both the philosophy and dogmatics of Buddhism, as well as to study its sociocultural role in the life of the Mongolic peoples. The research of domestic specialists in Mongolian studies based on written materials, official documents, observations, collected by them during expeditionary activities, was aimed at identifying the place of religion in the life of the Buryats, the role of the clergy in the spread of Buddhism and creation of Buddhist temples, understanding the processes of inter-

action between the Buddhist clergy and official authorities of Russia. The article studies the works by Aleksey Matveyevich Pozdnyev – a specialist in Mongolian Studies, who made a significant contribution to understanding many aspects of the history of Buddhism. We have analyzed some of the scientist's publications and handwritten materials devoted to the issues related to the spread of Buddhism among the Buryats of Eastern Siberia, the establishment of Pandito Khambo Lama's Institute in Russia, the importance of religion for preserving the territorial integrity of the state. Through the prism of A. M. Pozdnyev's works, the fact of complex contradictory relations, shrouded in threads of mistrust, at the initial stage of interaction between the Buddhist clergy and the official power of the Russian state becomes obvious. However, these relations developed, and largely under the influence of external factors an emphasis was placed on the importance of common interests and mutually beneficial cooperation which led to the integration of Buddhism into the sociocultural world of Russia, making it an integral part of Russian history.

Keywords: Mongol studies in Russia, Buddhism, Buryats, Siberia, A. V. Igumnov, A. M. Pozdnev, D.-D. Zayaev

Acknowledgments: the study was carried out within the framework of the state assignment (project FWZM-2024-0007 "Siberian Society as a Factor of Territorial Growth and Unity of Russia (late 16th – early 20th centuries").

Введение. В 2024 г. исполняется 260 лет со времени учреждения института Пандито Хамбо-лам в России. К этому событию приурочено установление в Иволгинском дацане (Республика Бурятия) монумента императрице Екатерине II и I Пандито Хамбо-ламе Дамба Доржа Заяеву (Заягийн Дамбадоржо) (1710–1776). Институт Пандито Хамбо-лам был учреждён в 1764 г. В царствование Екатерины II вышел указ Пограничной канцелярии об утверждении Дамба-Доржа Заяева в должности «Главного Пандито Хамбо-ламы всех буддистов, обитающих на южной стороне Байкала». В 1767 г. Заяев вошёл в состав Комиссии об Уложении, созванной Екатериной II для разработки новых законов, во время работы которой состоялась аудиенция Д.-Д. Заяева и сопровождающих его лам (это были гецул Сонпил, зайсан Ч. Боноев и переводчик Н. Доржинаев) с императрицей [1]. «В Москве Цзаягийн сидел в собрании "на сто одном стуле", объясняя подробно о своей вере, затем благосклонно принят Императрицею, наименован Её Величеством главным хамбою сибирских лам, получил депутатскую золотую медаль на голубой Андреевской ленте для ношения на шее ("золотой портрет Государыни" по словам инородческой летописи) и 50 руб[лей] пожизненной пенсии» [2]. События 60-х гг. XVIII в. ознаменовали официальное признание буддизма в Российской империи. Монумент станет олицетворением той знаковой встречи, будет представлять собой трёхметровые фигуры Пандито Хамбо-ламы Заяева и Императрицы Екатерины II, отлитые из бронзы, на двухметровом постаменте¹. Идея созда-

ния монумента родилась у ширээтэ ламы – настоятеля Санкт-Петербургского дацана Гунзэчойнэй Буды Бальжиевича Бадмаева и скульптора Ивана Итыгилова².

Монумент, который установят в Иволгинском дацане, и мероприятия по воссозданию и возвращению в Анинский дацан бюста Екатерины II³, состоявшиеся осенью 2019 г., как и возведение величественного дацана Гунзэчойнэй в начале XX столетия в Санкт-Петербурге, – всё это является подтверждением признания того факта, что буддизм – неотъемлемая часть духовной, культурной и политической жизни страны [3].

Методология и методы исследования. Методологической основой публикации является историко-системный подход, позволивший рассмотреть историю распространения буддизма среди бурят Восточной Сибири. Принцип историзма – в основе анализа этих событий. Принцип объективности способствовал изучению и сопоставлению широкого круга исторической литературы и источников; в результате факты, события и процессы рассмотрены во взаимосвязи и совокупности. В ходе работы использовались и такие методы, как анализ, обобщение, применяемые в целом в общественных науках.

Результаты исследования и их об-суждение. В процессе своего распростра-

society/104713-pamyatnik-ekaterine-ii-i-pandito-khambo-lame-zayaevu-ustanovyat-v-buryatii (дата обращения: 05.02.2024).

² В Бурятии установят памятник Екатерине II и I Пандито Хамбо Ламе Заяеву в сентябре. – URL: <https://tass.ru/obschestvo/19900597> (дата обращения: 05.02.2024). – Текст: электронный.

³ В Бурятии представили воссозданный бюст Екатерины II. – URL: <https://www.baikal-daily.ru/news/16/378672> (дата обращения: 05.02.2024). – Текст: электронный.

¹ Памятник Екатерине II и I Пандито Хамбо-ламе Заяеву установят в Бурятии. – Текст: электронный // Газета Буряад Унэн. – URL: <https://burunen.ru/news/>

нения среди бурят Восточной Сибири буддизм прошёл разные этапы интеграции в социально-культурное пространство России. Фундаментальные работы, не только отражающие религиозную составляющую, но рассказывающие о быте буддийских монастырей, о роли духовенства среди населения, о взаимодействии буддийской церкви с государственными институтами, принадлежат авторитетному учёному-монголоведу, организатору востоковедческого образования в России на рубеже XIX–XX вв. Алексею Матвеевичу Поздневу (1851–1920) [4; 5]. Одна из его работ «Очерки быта буддийских монастырей и буддийского духовенства в Монголии...» [6] стала в дальнейшем фактически программой для изучения быта буддийских монастырей, в частности в Тибете. Гомбожаб Цыбиков (1873–1930) – ученик А. М. Позднева, совершивший паломничество в Лхасу по инициативе своего учителя, сделал описание, которое по структуре совпадает с работой Алексея Матвеевича: управление монастырей, иконография, главные святыни храмов, буддийские ритуально-обрядовые комплексы [7, с. 122–123]. По истории распространения буддизма среди бурят интересной является публикация А. М. Позднева «К истории развития буддизма в Забайкальском крае» [8], написанная на основе анализа обнаруженных им писем в забайкальских дацанах. Содержание писем представило картину общественной жизни бурят, их отношения к буддизму и Монголии, «являющейся, как известно, метрополией буддизма для бурят» [Там же, с. 171]. Здесь же Алексей Матвеевич рассуждает о времени появления буддизма в жизни бурят, отмечает, что первая информация появилась от русских казаков около 1648 г., т. е. в скором времени после признания буддизма «господствующей верой в Халхе¹» [Там же]. Однако он утверждает, что буддизм «не имел большого значения» для бурят, «номады исповедовали шаманскую веру» [Там же].

Значительное развитие буддизма началось со времени прихода в бурятские кочевья 150 лам из Тибета в 1712 г. Новоприбывшие ламы расселились среди селенгинских и хоринских родов и очень быстро «своей проповедью, а ещё больше медицинской деятельностью приобрели себе полное распо-

ложение бурят», так что «бурятские старшины» распределили «иноземцев» по родам и обратились с прошением о предоставлении прав, присущих духовенству в России. Успешному разрешению этого ходатайства способствовал граф Сава Владиславич Рагузинский, который ознакомился с буддизмом во время своего пребывания в регионе с целью установления государственной границы между Россией и Китаем. Здесь С. В. Рагузинский проявил себя как дальновидный государственный деятель, на наш взгляд, выступив с инициативой учредить «в бурятских степях ламскую иерархию», тем самым поставив в России «буддизм на легальную почву». «Из числа лам тибетцев Рагузинский наметил в главные ламы для селенгинских родов – Наван Пунцука², а для хоринских – нансу Лубсан-Шараба», они же были утверждены настоятелями буддийских храмов» [Там же, с. 170].

«В 1741 г. высочайшим указом императрицы Елизаветы Петровны у бурят было учреждено 150 так называемых комплектных лам, которых освободили и от податей, телесного наказания и которые вообще получили права, присущие духовенству России. Таким образом, духовная власть сосредотачивалась в одних руках, что имело огромное влияние на всех инородцев <...> Русское правительство определило деятельность и значение ширетуев, придало им такую силу, какой они никогда не знали даже в Монголии и Тибете», – пишет А. М. Позднеев [Там же], объясняя эти перемены в отношении буддийского духовенства со стороны государства политической необходимостью, важностью стабилизации обстановки на восточных границах, наделяя лам достаточно широкими полномочиями, чтобы они ведали всеми вопросами жизни бурят, не только религиозными.

Однако здесь у монголоведа появились оппоненты в лице консервативных представителей православного духовенства, несогласных с приравниванием ламаистского духовенства с православным. Евстафий Воронеж (постоянный действительный член Всероссийского православного миссионерского общества) в своей публикации «Русским ли правительством узаконено иноземное идолопоклонническое ламство

¹ Халха – регион в Монголии, расположенный к северу от Гоби.

² В рукописи у А. М. Позднева написано – тибетец Агван Пунцук (ИВР РАН. – Ф. 44. – Оп. 1. – Д. 128. Позднеев А. М. Буддизм в Забайкалье. Рукопись, тетрадь. – Л. 7).

в православной России?» подверг критику позицию А. М. Позднеева, обвинив его в том, что он, основываясь только на данных бурятских летописей, утверждает, будто при Елизавете Петровне произошло «признание иноземного идолопоклоннического ламства в православной России» [9, с. 17], и при этом ещё авторитетный профессор, по мнению Е. Воронца, восхищается буддийским духовенством на страницах «Очерков быта буддийских монастырей и духовенства...»: «... проходит какое-то восторженное отношение к монгольскому буддизму (отождествляемому профессором с забайкальским ламаизмом)... Это горячая апология ламаистскому духовенству... Профессор Позднеев [называет] тибетских обманщиков идолопоклонников “Святителями”..., зов трубный и звон, призывающий лам к идолослужению – “благовестом”; рисование идолов, даже “циничных и ужасных форм” ... “иконографией”, иконописанием, а ...идолослужение священным словом “богослужение”!» [Там же, с. 30–31].

Этот частный пример иллюстрирует некоторое непонимание происходящего, незнание сути буддийской философии. Критика в адрес монголоведа, возможно, сформировалась как ответ на замечания учёного в адрес духовенства православной церкви и восточно-сибирской администрации¹, не уделявших должного внимания распространяющемуся среди бурят буддизму. На «полную неосведомлённость сибирского начальства относительно сущности ламаизма, путей его и способов его распространения» [12, с. 185] указывал и Александр Васильевич Игумнов (1761–1834)². «Буряты смотрят на христианство с уважением, но как на нечто равноправное, равносильное буддизму...», – отмечал А. М. Позднеев³. Среди православных миссионеров есть немало тех, кто внёс существенный вклад в

¹ Один из примеров критики от А. М. Позднеева: «...к несчастью тогда не имели ещё ни малейшего понятия о том, кто собственно правит буддийским миром, каков его внешний строй, в чём нуждаются наши ламы, насколько они в своих ходатайствах руководятся религией...» (ИВР РАН. – Ф. 44. – Оп. 1. – Д. 128. Позднеев А. М. Буддизм в Забайкалье. Рукопись. Тетрадь. – Л. 30, 31).

² Игумнов Александр Васильевич, переводчик, знаток монгольского языка, собирал материал по истории, этнографии бурят, составитель монгольско-русского словаря, наставник О. М. Ковалевского в 1828–1833 гг. – основоположника научного монголоведения.

³ ИВР РАН. – Ф. 44. – Оп. 1. – Д. 128. Позднеев А. М. Буддизм в Забайкалье. Рукопись. Тетрадь. – Л. 21.

изучение буддизма, изучение монгольского языка, в переводческую деятельность, направленную на просвещение среди бурят [10; 11].

«Став под защиту русского закона, буддизм естественно начал расти с удвоенной силой», – указывает А. М. Позднеев [6]. В доказательство этому монголовед приводит статистику, свидетельствующую о существенном росте числа лам. По официальным сведениям правительства, в 1756 г. в бурятских степях было уже не 150, а 324 ламы, в 1772 г. – 617 [8, с. 171].

А. В. Игумнов в работе «Записки о ламах забайкальских кумирен» говорил о росте числе лам: «Численность некомплектных лам уже к началу XIX в. в несколько раз превысила установленный в середине XVIII в. комплект из 150 лам и всё время продолжала возрастать» [12, с. 185]. В качестве действенного средства для снижения численности лам и «вытекающих отсюда последствий» А. В. Игумнов считал «необходимым применять к ламам соответствующие статьи “Монгольского уложения”, прежде всего, вернуть в светское состояние так называемых “некомплектных” лам, которые проживали вне дацанов и вели в сущности светский образ жизни, но пользовались всеми преимуществами, предоставленными духовенству» [Там же]. Увеличение численности лам, по мнению А. М. Позднеева и А. В. Игумнова, – это «тяготы, возложенные на бурятский народ постройки кумирен», а «бурятам-простолюдинам оставалось только повиноваться поставленным над ними властям» [8, с. 171; 12, с. 185], и «...к несчастью, тогдашнее иркутское начальство ...заботилось не о действительном ограничении ламства, а главнейше об исправном сборе государственных налогов. В предписании от 13 марта 1773 г. на имя хоринского тайши бурятам дозволялось в каждом роде иметь свой дацан и узаконенное штатное число духовенства..., остальные же хотя и могли посвящаться в ламы, однако наравне с простолюдинами должны были вносить подати» [8, с. 172; 13]. Подати, составлявшие всего 70 или 80 копеек, не стали препятствием для роста числа лам. Прямо пропорционально росту числа духовенства наблюдалось и расширение сети дацанов. У А. М. Позднеева находим такие сведения: «В... 1773-м году был построен Ходонский деревянный дацан (храм), и в него был привезён

первый “Юм” из Монголии. В 1783 году основали Тугнуйскую хурэ (монастырь). В 1795 г. построен Анинский дацан, а как на постройку его не было испрашено разрешения, то храм этот в первое время числился “молитвенным домом” хивинского тайши. В 1806-мъ году был воздвигнут новый, и уже каменный, Анинский дацан, на постройку которого в первый раз было собрано с народа 33,162 р., а потом ещё 12,103 рубля. В 1811 году построился каменный же Агойский дацан, и на него было израсходовано 49,630 р[ублей]...» [8, с. 172; 13]. В 1842 г. иркутская администрация в ответ на просьбы бурят разрешило им иметь 34 дацана, с численностью лам 580 человек [Там же, с. 173].

В бурятские кочевья с ревизией приезжали разные чиновники, сведения о численности как духовенства, так дацанов расходились. В итоге в бурятские степи был командирован камер-юнкер граф Левашов, который, осмотрев на месте положение дел, представил доклад, ставший основой нового Положения о бурятском ламайском духовенстве, удостоенного высочайшего утверждения 13 марта 1853 г., согласно которому у бурят разрешалось нахождение 34 дацанов по-прежнему, но число лам сокращалось до 280 человек и «35 так называемых учеников веры, т. е. подготовлявшихся к принятию ламского звания» [Там же]. Ко времени обнародования этого положения относится письмо к одному монгольскому хутухте¹, обнаруженное А. М. Позднеевым у бурят. В нём буряты жалуются на свою жалкую судьбу. «Ради красы, – по мнению учёного, – составляют разного рода небылицы и, наконец, просят хутухту помочь их горю своею молитвою» [Там же]. Это обращение бурятских лам к монгольскому духовенству за разного рода помощью наблюдалось как закономерная реакция на любое новое запрещение на распространение влияния буддийского духовенства. В Монголии, «в Сэцэнъ-хановском аймаке они имеют даже своих гегенов покровителей, из которых самую большею популярностью пользуются у них Хухэнь-хутухту и Ганчжорва гэгэн. Можно сказать, что ни одно событие и предприятие из жизни религиозной не проходит в этом аймаке без участия бурят» [Там же, с. 185]. В подтверждение этому А. М. Позднеев приводит письмо от Ганчжорва гэгэна к

¹ Хутухта – с середины XVII столетия в Монголии высший титул среди лиц духовного звания.

настоящему одного из дацанов забайкальских бурят Чойнхор лин к «верховному ученику, милостынедателю» Лубсан чоймпилу, которого приглашает собрать средства для покупки «1 000 будд благих времен», «пробудить в учениках различных местностей... сочувствие к этому...» [Там же]. И в свою очередь отправляет бурятскому ламе подарки и «снурочки с рук будды» [Там же]. Письмо-приглашение (на нём не было указано даты) А. М. Позднеев датирует 1876 г., так как в том году монастырём Ганчжурова гэгэна было приобретено 1 000 бурханов [Там же, с. 185]. Алексей Матвеевич, как исследователь быта буддийских монастырей в Монголии, мог провести параллели, сопоставить факты, происходящие в мире буддистов, зная повседневную жизнь монастырей изнутри (неоднократно был командирован в Монголию и кочевья забайкальских бурят) [4], он мог проверить отдельные факты; достоверностью представленной информации, её анализом ценны его работы.

А. М. Позднеев в своих работах акцентирует внимание на одном неоспоримом факте – тесной связи бурят с Монголией. «Мы, конечно, склонны думать, что от этой, по-видимому, взаимной помощи остаются в барышах всегда Монголы, – размышлял монголовед, – это обусловливается частью большим богатством и зажиточностью бурят, частью обилием халхаских монастырей, частью, наконец, процветанием буддизма в Монголии, в силу которого буряты благоговееют пред монголо-халхаскими монастырями не только потому, что они являются старейшими буддийскими обителями, но и потому, что они имеют в себе много таких святынь, которые совершенно не доступны для монастырей бурятских» [8, с. 177]. Всё это свидетельствует не только о взаимном материальном обмене, тоже направленном на организацию духовной деятельности буддийских храмов, где необходимы и религиозная утварь, но и о том, что монгольские буддийские центры являлись местом обучения у забайкальских лам. И не только в начале XVIII в., но и в более поздние периоды.

Духовенство у бурят было связано тесными узами с монгольскими буддийскими храмами, где они в большинстве своём получали религиозное образование. Преемником Наван-Пунцука в звании главного ламы стал Д.-Д. Заяев, который получил начальное духовное образование в Урге, затем

продолжил обучение и завершил его в Тибете. Его помощник ширетуй лама Ахалдаев также обучался в Урге. «Первый Пандито (Бандидо) Хамбо-лама бурят Д.-Д. Заяев – не только выдающаяся личность в истории Бурятии, но и весьма неординарная для России в целом. Казалось бы, о нём известно всё, и отыскать какую-либо новую информацию очень сложно. Тем не менее существуют спорные моменты в его биографии, спорные с точки зрения того, что о них пишут в научной литературе», – с этим трудно не согласиться [1, с. 82]. Начало духовной карьеры ламы Д.-Д. Заяева (1710–1777) было связано с Ургой, а затем и Лхасой, «провёл немало лет в Монголии и Тибете, путешествовал по Китаю, учился в Лхасе при Далай-Ламе»¹. По окончании курса наук и принятии монашеских обетов вернулся на родину. С введением русскими властями в 1741 г. официального штата ламаистского духовенства Цонгольский дацан был признан главным среди других бурятских дацанов, а Д.-Д. Заяев причислен к штатному духовенству. В 1751 г. он становится настоятелем Цонгольского дацана, что определяет его положение как первого среди других настоятелей. Это способствует возведению его в 1764 г. в «высшую духовную степень бандидо-хамбо-ламы по указу местной Чикойской управы» [14, с. 45]. Ещё один факт, объясняющий, возможно, избрание Д.-Д. Заяева в духовные лидеры бурят-буддистов – это его происхождение, он является потомком Окина – внука именитого халхаского Цокту-тайджи. В 1689 г. Окин принял подданство русского царя. «В отличие от других монголов, которые тогда принимали русское подданство из-за угрозы со стороны джунгарского Галдана Бошокут-хана, цонголы [под предводительством Окина] бежали прямо из владений цинского императора, а именно из чахарского жёлтого без каймы знамени, с изначальным намерением принять подданство русскому царю» [15–17]. Цинские власти почти тридцать лет, до заключения Буринского трактата² и Кяхтин-

ского договора³, по которому все прежние спорные дела были закрыты, добивались от русских выдачи Окина. В то же время за верность русскому престолу Окину было пожаловано русским царём звание главного тайши забайкальских бурят, и под его власть, помимо остальных селенгинцев, попали даже хори-буряты [15, с. 17–18]. Старший сын и наследник Окина Лубсан активно принимал участие в установлении границы между двумя империями и ранее участвовал в переговорах в качестве переводчика [Там же].

Однако «уже через одно поколение, – рассуждает современный монгольский автор Цонгоол Б. Нацагдорж, – при внуке Окина – тайше Цаганове, оказалось, что надёжные союзники русской власти собирались войти обратно в состав Цинской империи и тайно вели переговоры с китайскими пограничными властями» [Там же], причина – сокращение числа буддийского духовенства среди бурят. Д.-Д. Заяев после возвращения на родину из Тибета был обеспокоен новыми распоряжениями Иркутской канцелярии 1852 г. о сокращении комплектных лам: «...прежде мы определяли из нашего отока в ламы по своему желанию... Потом, когда прежние ламы состарятся, поддерживаемая нами религия исчезнет» [Там же, с. 23]. Д.-Д. Заяев укреплял позиции буддизма, боролся с шаманством, основал первые дацаны в бурятских степях [16, с. 77; 17]. Он понимал, что стержень религии, её укрепления, проведения политики добрососедства с другими конфессиями ле-

отвести претензии маньчжурских правителей Китая на русские владения. Китайская сторона претендовала на всю южную часть Восточной и Западной Сибири, стремилась установить границу по линии Красноярск – Аргунь. До подписания Б. д. в Восточном Забайкалье официальная граница существовала только по р. Аргунь (в соответствии с Нерчинским договором). К западу от неё граница была не определена. Тем не менее Россия имела право фактического владения этими территориями из-за кочевавших на этих землях ясачных тунгусов, которые и охраняли их. В Западном Забайкалье уже в 1-й четверти XVIII в. пограничная линия стала намечаться путём учреждения караулов: Желтуринского, Босинского, Цаган-Усинского и небольших зимовий в долинах рек Джиды, Селенга, Кяхты и Чикой. Б. д. вошёл в качестве ст. 3 в состав Кяхтинского договора (21 октября 1727 г.) (Константинова Н. Н. Малая энциклопедия Забайкалья: Власть и общество: в 2 ч. / гл. ред. Р. Ф. Гениатулин. – Новосибирск: Наука, 2012. – Ч. 1: А–Л. – 498 с.).

³ Кяхтинский договор 1727 г. устанавливал границу и определял принципы торгового сотрудничества между Россией и Китаем. Включает в себя предварительный Буринский договор от 20.08.1727 и Кяхтинский трактат, подписанный 21 ноября 1727 г.

¹ ИВР РАН. – Ф. 44. – Оп. 1. – Д. 128. – Л. 4.

² Буринский договор, Буринский трактат (20.08.1727). Установил гос. границу между Россией и Китаем от сопки Абагайтуй до перевала Шамин-Дабага. Подписанию Б. д. предшествовали переговоры, начавшиеся в Пекине 15 ноября 1726 г. и продолжившиеся на границе в районе р. Бура (в 20 верстах от места основания Кяхты) в июне – августе 1727 г. С русской стороны Б. д. подписал гл. посольства граф С. Л. Владиславич (Владиславич-Рагузинский), который сумел

жит на плечах лам, поэтому рассматривал альтернативы дальнейшего развития буддизма в складывающейся ситуации. Д.-Д. Заяев вёл переговоры с хамбо-ламой Шагдуром, как «наглядным примером цветущего состояния буддизма в Цинской империи для его соученика и друга Дамба-Даржа. И тот не преминул упомянуть ему об уходе от «этой тёмной страны, где нет учения Будды»». Надо помнить, что переговоры велись на фоне вполне лояльного, даже верноподданнического поведения цонгольского тайши и главного ламы в повседневной жизни» [15, с. 24]. Складывалась ситуация, не предвещавшая хорошего исхода, если не определиться с выбором пути.

Дамба-Доржа в июне того же 1764 г. инициировал своё возведение в титул Пандито Хамбо-ламы [Там же], что в целом может говорить о его приоритете остаться подданным Российской империи. Да и дальнейшая судьба Хамбо-ламы Шагдура складывалась печально, он был «сослан в монастырь Ширету-Дзу в местности Гурбан субурган в харачинском хошуне Чжосотуского сейма в качестве простого ламы осенью 1765 г. Безусловно, всё это повлияло на решение Заяева» [Там же].

Вскоре судьба сложилась так, что сам Д.-Д. Заяев в качестве депутата от бурятских буддистов отправился в столицу Российской империи¹ – судьбоносное событие как в биографии самого Д.-Д. Заяева, так и в истории буддизма в России. А. М. Позднеев так оценивал происходящее в 1767 г.: «...этим титулом Екатерина только ставила Заяева первым между настоятелями буддийских монастырей, находившихся в кочевьях бурят и тунгусов; но как истый буддийский лама, Заяев, возвратившись в Забайкалье, воспользовался этими наградами по-своему. Он объявил, что медаль дана ему за усердие в изучении и проповеди буддизма и что отныне шаманство уже не имеет

¹ Буддисты, судя по бурятским летописям, отнеслись к ней как к религиозному совещанию или собранию депутатов от исповеданий. Поэтому выбор депутатом Бандидо-Хамбо ламы был для «бурятских инородцев» единственно возможен. Местные власти с правоммерностью такого выбора не согласились – избиратели Заяева считались кочевниками, правом же представительства по закону были наделены только оседлые племена. В ответ Д.-Д. Заяев выразил намерение ехать в Москву «своим коштом». Пока дело из Иркутска шло в I Департамент Сената, Заяев побывал на депутатской аудиенции у Екатерины II. Императрица весьма заинтересовалась посланцем далёкой окраины, поднесшим ей рукопись о своём путешествии в Тибет и необычные изделия тибетских мастеров...

права на свое существование в Забайкалье: императрица повелевает быть всякому буряту и тунгусу буддистом, а не другого какого-либо исповедания, почему и пожаловала ему, Заяеву, титул «Хамбо-ламы всех бурятских и тунгусских родов»» [8, с. 171].

У буддистов в Забайкалье появился лидер, который консолидировал вокруг себя всех верующих, постепенно прекратились «рознь и соревнование», возникшие из-за «исторической ошибки во взгляде высшей власти», которая разрешала большинству лам [18] в первой половине XVIII в. придти в Забайкалье из разных местностей, Монголии, Тибета, что приводило к размежеванию среди бурят².

Достоинство уважения принятое решение верховной властью Российской империи. «Вместо того, чтобы воспользоваться недостатком единодушия среди лам и мудро направлять помыслы, согласно видам правительства (не давая некоторым честолюбцам захватить власть в свои руки и этим усугубить влияние на инородцев), местная администрация, а потом и в Петербурге, решили сосредоточить в одном лице значение ламства, парализовать раздорки поддержкою избранника...»³

И как результат сотрудничества буддийского духовенства и официальной власти России: «Храм возникал за храмом. Вокруг больших группировались маленькие. Девятнадцатое столетие застаёт уже почтенную цифру сорока с лишком молитвенных домов, ныне же явных и признаваемых около двухсот⁴... Новые каменные существенно отличаются от старинных, будучи смесью тибетского стиля с китайским, поражая пестротой, великолепием отделки, величием очертаний...»⁵, – отмечает А. М. Позднеев благотворное распространение буддизма в России.

Заключение. Научное наследие Алексея Матвеевича Позднеева в истории отечественного монголоведения занимает основополагающее значение, его труды по многим направлениям исследований в этой области стали первыми, особенно это касается и роли духовенства в жизни народов,

² ИВР РАН. – Ф. 44. – Оп. 1. – Д. 128. – Л. 28. Позднеев А. М. Рукопись. Тетрадь.

³ Там же. – Л. 30. Позднеев А. М. Рукопись. Тетрадь.

⁴ А. М. Позднеев дважды был командирован к забайкальским бурятам с целью изучения их быта (1909) и положения ламаитов (1916) в России.

⁵ ИВР РАН. – Ф. 44. – Оп. 1. – Д. 128. – Л. 19. Позднеев А. М. Рукопись. Тетрадь.

исповедующих буддизм, и истории распространения буддизма, и в создании буддийской церкви, и в понимании процессов взаимодействия буддийского духовенства и официальной власти. Все эти аспекты можно найти в его труде «Очерки быта буддийских монастырей и буддийского духовенства в Монголии в связи с отношением сего последнего к народу», написанном по итогам научной командировки. Не все наблюдения и полевые материалы А. М. Позднеева опубликованы, определённо, сведения, находящиеся в рукописях, существенно дополняют широко известные труды, помогают понять позицию самого учёного. Мы не раз отмечали в своих публикациях, что А. М. Позднеев – организатор практического монголоведения, и учебные заведения, у истоков которых он стоял, это и Восточный институт во Владивостоке (в 1899–1903 гг. первый директор), и Практическая восточная академия в Петербурге (1910) – все преследовали цель подготовки востоковедов-практиков, хорошо знающих язык и владеющих достоверной актуальной информацией о стране, в которой предстояло работать, выполнять

государственные задачи России. В связи с этим его работы, и те, что представлены в данной статье, помимо сведений описательного характера, констатации фактов, содержат размышления монголооведа, возможные пути решения. Это определяет отчасти и критический взгляд А. М. Позднеева как на деятельность отдельных лиц, будь то представители духовенства, как буддийского, так и православной церкви, так и официальной власти: и региональной, и в целом имперской. Он отмечает противоречивый характер отношений между буддийским духовенством и официальной властью, определённое недоверие, как с одной стороны, так и с другой, некоторую непоследовательность в решениях и действиях. Но однозначно то, что эти отношения развивались. А. М. Позднеев называет многие факторы, которые способствовали сближению и установлению отношений в рамках сотрудничества, что привело к интеграции буддизма в социокультурное пространство православного российского государства и его дальнейшее гармоничное сосуществование в полиэтничном и многоконфессиональном обществе.

Список литературы

1. Жуковская Н. Л. К вопросу о награде, полученной Дамба Даржа Заяевым от императрицы Екатерины II // Мир буддийской культуры: материалы междунар. симпозиума (Улан-Удэ – Агинское – Чита, 10–14 сентября 2001 г.). Улан-Удэ, 2001. С. 82–87.
2. Ухтомский Э. Э. Очерк развития ламаизма на восточно-сибирской окраине и наиболее целесообразное средство для борьбы с ним. URL: http://irkipedia.ru/content/ocherk_razvitiya_lamaizma_na_vostochno_sibirskoy_okraine_i_naibolee_celesoobraznoe_sredstvo (дата обращения: 05.12.2023). Текст: электронный.
3. Успенский В. Л. Вместо предисловия // Учение Будды в России: 250 лет институту Пандито Хамбо-лам. СПб.: Петербургское Востоковедение, 2015. С. 8–10.
4. Полянская О. Н. Экспедиционная деятельность А. М. Позднеева (1851–1920) в контексте истории развития научного монголоведения в России // История. 2022. Т. 13, № 4. DOI: 10.18254/S207987840021200-9.
5. Полянская О. Н., Кузьмин Ю. В. Биография и научное наследие монголооведа А. М. Позднеева (1851–1920) в отечественной историографии // Современная научная мысль. 2021. № 1. С. 43–51.
6. Позднеев А. М. Очерки быта буддийских монастырей и буддийского духовенства в Монголии в связи с отношением сего последнего к народу. СПб.: Тип. Имп. Акад. наук, 1887. 492 с.
7. Ермакова Т. В. Подход Санкт-Петербургской буддологической школы к изучению буддийских монастырей Тибета (1890-е – 1910-е гг.) // Учение Будды в России: 250 лет институту Пандито Хамбо-лам. СПб.: Петербургское Востоковедение, 2015. С. 119–133.
8. Позднеев А. К истории развития буддизма в Забайкальском крае // Записки Восточного отделения Императорского Русского археологического общества. Т. 1: 1886. СПб.: Тип. Имп. Академии наук, 1887. С. 169–188.
9. Воронец Е. Русским ли правительством узаконено иноземное идолопоклонническое ламство в православной России? Харьков: Тип. В. С. Бирюкова, 1889. 33 с.
10. Полянская О. Н. Монгольский язык в Иркутской духовной семинарии: А. М. Орлов (1816–1889) // Православие и дипломатия в странах Азиатско-Тихоокеанского региона: материалы междунар. науч.-практ. конф. (Улан-Удэ – Посольск, 29–30 января 2015 г.). Улан-Удэ: БГУ, 2015. С. 57–64.
11. Бондарь Л. Д., Полянская О. Н. Православная культура в Китае: интеллектуальная элита и духовные круги вчера и сегодня // Роль интеллектуального капитала в экономической, социальной и правовой культуре XXI века: сб. науч. тр. участников междунар. науч.-практ. конф. СПб.: СПбУУиЭ, 2015. С. 25–33.

12. Пучковский А. С. Александр Васильевич Игумнов // Очерки по истории русского востоковедения. М.: Изд-во Вост. лит., 1960. Вып. 3. С. 166–195.
13. Жамсуева Д. С. Кудунский (Кижингинский) дацан: архивные свидетельства истории возведения храма // Вестник Бурятского научного центра СО РАН. 2018. Вып. 1. С. 93–99.
14. Ряжев А. С. Просвещенное духовенство при Екатерине II // Вопросы истории. 2004. № 9. С. 45–53.
15. Цонгоол Б. Нацагдорж. Буддийский фактор в общемонгольской идентичности российских бурят в XVIII в. // Учение Будды в России: 250 лет институту Пандито Хамбо-лам. СПб.: Петербургское Востоковедение, 2015. С. 15–36.
16. Чимитдоржиев Ш. Б., Пурбуева Ц. П. Дамба-Даржа Заяев – первый бандидо-хамбо-лама бурятских дацанов // Национальная интеллигенция, духовенство и проблемы социального, национального возрождения Республики Бурятия. Улан-Удэ, 1995. С. 77–86.
17. Ванчикова Ц. П. Монголоязычные биографии бурятских лам // Средневековая культура Центральной Азии: письменные источники. Улан-Удэ, 1995. С. 34–46.
18. Цыремпилов Н. В «Чужие» ламы. Российская политика в отношении заграничного буддийского духовенства в XVIII – начале XX в. // Вестник Санкт-Петербургского университета. Серия 13. 2010. Вып. 4. С. 9–18.

Информация об авторе

Полянская Оксана Николаевна, кандидат исторических наук, доцент, старший научный сотрудник, Институт истории Сибирского отделения Российской академии наук; 630090, Россия, г. Новосибирск, ул. Николаева, 8; polgrab@mail.ru, <https://orcid.org/0000-0003-1483-2441>.

Для цитирования

Полянская О. Н. Научное наследие монголоведа А. М. Позднева о буддизме у бурят XVIII – начала XX в.: от распространения до интеграции в социокультурное пространство России // Гуманитарный вектор. 2024. Т. 19, № 1. С. 43–52. DOI: 10.21209/1996-7853-2024-19-1-43-52.

Статья поступила в редакцию 22.02.2024; одобрена после рецензирования 25.03.2024; принята к публикации 28.03.2024.

References

1. Zukovskaya, N. L. On the issue of the award received by Damba Darzha Zayaev from Empress Catherine II. The world of Buddhist culture. Proceedings of the international symposium. September 10–14, 2001. Ulan-Ude – Aginskoye – Chita, 2001: 82–87. (In Rus.)
2. Ukhtomsky, E. E. An outline of the development of Lamaism on the East Siberian outskirts and the most appropriate means to combat it. Web. 05.12.2023. URL. http://irkipedia.ru/content/ocher_razvitiya_lamaizma_na_vostochno_sibirskoy_okraine_i_naibolee_celesoobraznoe_sredstv (In Rus.)
3. Uspensky, V. L. Instead of a preface. The Teachings of Buddha in Russia: 250 years of the Institute of Pandito Hambo Lama. St. Petersburg: Petersburg Oriental Studies, 2015: 8–10. (In Rus.)
4. Polyanskaya, O. N. Expeditionary activities of A. M. Pozdnev (1851–1920) in the context of the history of the development of scientific Mongolian studies in Russia. Electronic scientific and educational journal “History”, no. 4, 2022. DOI: 10.18254/S207987840021200-9. (In Rus.)
5. Polyanskaya, O. N., Kuz'min, Yu. V. Biography and scientific heritage of Mongolian expert A. M. Pozdnev (1851–1920) in Russian historiography. Modern scientific thought, no. 1, pp. 43–51, 2021. (In Rus.)
6. Pozdnev, A. M. Essays on the life of Buddhist monasteries and Buddhist clergy in Mongolia in connection with the latter's attitude towards the people. St. Petersburg: Type. Imp. Academician Sciences, 1887. (In Rus.)
7. Ermakova, T. V. The approach of the St. Petersburg Buddhist school to the study of Buddhist monasteries in Tibet (the 1890s – 1910s). Teachings of Buddha in Russia: 250 years of the Institute of Pandito Hambo-lamas. St. Petersburg: St. Petersburg Oriental Studies, 2015: 119–133. (In Rus.)
8. Pozdnev, A. On the history of the development of Buddhism in the Transbaikal region. Notes of the Eastern Branch of the Imperial Russian Archaeological Society. Vol. 1: 1886. St. Petersburg: Printing house of the Imperial Academy of Sciences, 1887: 169–188. (In Rus.)
9. Voronets, E. Has the Russian government legitimized foreign idolatrous lameness in Orthodox Russia? Kharkov: Printing house. V. S. Biryukova, 1889. (In Rus.)
10. Polyanskaya, O. N. Mongolian language at the Irkutsk Theological Seminary: A. M. Orlov (1816–1889). Orthodoxy and diplomacy in the countries of the Asia-Pacific region: materials of international scientific research.-practical conf. (Ulan-Ude – Posolsk, January 29–30, 2015). Ulan-Ude: Buryat State University Publishing House, 2015: 57–64. (In Rus.)
11. Bondar', L. D., Polyanskaya, O. N. Orthodox culture in China: the intellectual elite and spiritual circles yesterday and today. The role of intellectual capital in the economic, social and legal culture of the 21st century:

Sat. scientific works of participants of the International Scientific and Practical Conference St. Petersburg: Publishing house SPbUUUE, 2015: 25–33. (In Rus.)

12. Puchkovsky, A. S. Alexander Vasilievich Igumnov. Essays on the history of Russian oriental studies. M.: Publishing House of Eastern Literature, 1960. Issue 3: 166–195. (In Rus.)

13. Zhamsueva, D. S. Kudunsky (Kizhinginsky) datsan: archival evidence of the history of the construction of the temple. Bulletin of the BNTs. 2018. Vol. 1: 93–99. (In Rus.)

14. Ryazhev A. S. Enlightened clergy under Catherine II. Questions of history, no. 9, pp. 43–57, 2004. (In Rus.)

15. Tsongool B. N. Buddhist factor in the general Mongolian Identity of Russian Buryats in the 18th century. The Teachings of Buddha in Russia: 250 years of the Institute of Pandito Hambo Lamas. St. Petersburg: Petersburg Oriental Studies, 2015: 15–36. (In Rus.)

16. Chimitdorzhiev, Sh. B., Purbueva, T. P. Damba-Darzha Zayaev – the first bandido-hambo lama of the Buryat datsans. National intelligentsia, clergy and problems of social, national revival of the Republic of Buryatia. Ulan-Ude, 1995: 77–86. (In Rus.)

17. Vanchikova, T. P. Mongolian biographies of Buryat lamas. Medieval culture of Central Asia: written sources. Ulan-Ude, 1995: 34–46. (In Rus.)

18. Tsyrempilov, N. V. “Alien” Lamas. Russian policy towards overseas Buddhist clergy in the XVIII – early XX centuries. Bulletin of St. Petersburg State Universit, ser. 1, issue. 4, pp. 9–18, 2010. (In Rus.)

Information about the author

Polyanskaya Oksana N., Candidate of History, Associate Professor, Senior Researcher, Institute of History, Siberian Branch, Russian Academy of Sciences; 8 Nikolaeva st., Novosibirsk, 8630090, Russia; polgrab@mail.ru, <https://orcid.org/0000-0003-1483-2441>.

For citation

Polyanskaya O. N. Scientific Heritage of Specialist in Mongolian Studies A. M. Pozdneyev on Buddhism Among Buryats in the XVIIIth – early XXth Centuries: From Spread to Integration into the Sociocultural Space of Russia // Humanitarian Vector. 2024. Vol. 19, no. 1. P. 43–52. DOI: 10.21209/1996-7853-2024-19-1-43-52.

**Received: February 22, 2024; approved after reviewing March 25, 2024;
accepted for publication March 28, 2024.**